



Часть I  
СТАВКА ГИТЛЕРА



## ГЛАВА 1

*1943 год. Февраль.*

*Оберзальцберг*

Гитлер проснулся около одиннадцати часов утра. По обыкновению, фюрер спал долго, и нынешний день не стал исключением. После горячей ванны, свежий и надушенный, он оделся, повязал свой любимый синий галстук и, застегнув френч на все пуговицы, подошел к большому окну спальни. Внизу лежал заснеженный Оберзальцберг.

Ночью мела выюга, снегом засыпало весь двор, и солдаты его личной охраны, вооружившись деревянными лопатами, старательно расчищали дорогу, по которой он любил прогуливаться.

Накануне фюрер хотел пройтись на лыжах и даже отдал распоряжение, чтобы ему подобрали подходящую мазь, но нынешнее ветреное утро показалось ему не самым подходящим временем для прогулок. Придется перенести ее на более благоприятный день.

Оберзальцберг очень напоминал Адольфу Гитлеру родную Австрию (была бы его воля, так он никуда бы отсюда не уезжал!).

Некоторое время он смотрел на заснеженную гряду близлежащих гор, уносясь воспоминаниями в прошлое, затем велел камердинеру позвать доктора Мореля.

В последние недели Гитлер чувствовал себя вялым, испытывал апатию, его спасал только возбуждающий укол, который доктор делал ему перед самым завтраком. Лекарство помогало — весь последующий день он чувствовал себя невероятно бодрым и, не особенно уставая, дважды в день проводил военные совещания.

Еще через несколько минут раздался короткий стук в дверь, и в комнату вошел грузный, невысокого роста, круглолицый человек с мясистым лицом, в очках в тонкой золоченой оправе на слегка вздернутом носу.

Личным врачом Гитлера Теодор Морель стал не случайно. В окружении фюрера вообще не было случайных людей, у каждого из них была своя роль: одни поднимали ему своими разговорами настроение во время ужина, другие прогуливались с ним по Оберзальцбергу, в третьих он видел интересных собеседников.

Прежде чем начать хирургическую практику, Морель получил медицинское образование во

Франции и в Германии. В двадцать семь лет защитил докторскую диссертацию и последующие два года был судебным врачом, побывав практически во всех океанах. В Первую мировую войну Морель служил хирургом на Западном фронте и вспоминал этот отрезок своей жизни как самый тяжелый.

С приходом к власти Гитлера он вступил в национально-социалистическую немецкую партию, а еще через три года был приглашен фюрером на аудиенцию в Бергхов, после которой Гитлер доверил ему свое здоровье. Доктору Морелю удалось решить проблемы с желудочно-кишечным трактом Гитлера, и тот назначил его своим личным врачом и неизменно брал с собой даже в короткие поездки.

Доктор Морель завел на Адольфа Гитлера медицинскую карту, которую озаглавил «Пациент А».

— Как чувствуете себя, мой фюрер? — бодро спросил доктор, присаживаясь к столу, за которым сидел Гитлер.

— Вроде бы неплохо, Теодор... Хотя в наше время может случиться все, что угодно.

— Только не с вами, мой фюрер, — объявил Морель.

Взяв запястье Гитлера в свою ладонь, он сосчитал удары пульса и удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке. А теперь я сделаю вам бодрящий укольчик. Уверю, вы будете чувствовать себя как новенький.

Адольф Гитлер вяло улыбнулся:

— По поводу меня нового я крепко сомневаюсь... Но вот если бы чувствовать себя так же, как до войны, было бы прекрасно!

За последние месяцы Гитлер сильно осунулся, мышцы его одрябли. Уже семь лет Гитлер избегал физических нагрузок, что сказалось на его общем состоянии.

Открыв медицинский саквояж из темно-коричневой кожи, Морель вытащил из него небольшой металлический поднос, протер его поверхность спиртом, а затем последовательно положил на него лекарственный аппарат, закрытый алюминиевой крышкой, небольшую клеенчатую подушку и шприц. После чего отогнул пинцетом часть крышки флакона, обмакнул им вату и аккуратно протер резиновую крышку. Привычно, под девяносто градусов, ввел во флакон иглу и, перевернув его вверх дном, стал оттягивать поршень, наполняя шприц лекарством. После этого бережно вытянул иглу из пробки и сменил ее на новую.

Такой укол Теодор Морель делал Гитлеру каждый день последние два года. Все привычно, никаких сюрпризов, но фюрер всякий раз с интересом наблюдал за действиями врача.

— А теперь положите руку на подушку, мой фюрер, — ободряющим тоном произнес доктор, — и максимально расслабьте ее.

Морель уверенно положил жгут на середину плеча Гитлера и пощупал артерию пальцами.

— Сожмите несколько раз кулак. — Фюрер тотчас заработал пальцами. — У вас очень хорошие вены.

Доктор Морель обработал локтевую выемку салфетками, уверенно ввел иглу и медленно стал нажимать на поршень.

— Все, мой фюрер, — сообщил Морель, бережно прикладывая ватку на место укола. — Посидите минут пять, а потом можете идти.

— Что-то не в порядке? Сегодня вы выглядите как-то по-другому, — подозрительно сощурился Гитлер.

— У меня для вас не очень хорошие новости, мой фюрер.

— Что там еще? — раздраженно спросил Гитлер.

— Вы должны беречь себя.

— Куда же больше? Я и так веду малоподвижный образ жизни, а ведь в молодости я был очень хорошим лыжником... Впрочем, как всякий австриец. Что у вас? Говорите!

— Я отправил ваше последнее ЭКГ в Бад-Наухайме в Институт исследования сердца профес-



сору Карлу Веберу. Он сказал, что кардиограмма показывает склеротические изменения в коронарных сосудах, а также нарушение нервной проводимости и гипертрофию левого желудочка.

Адольф Гитлер нахмурился: этого еще не хватало. Утро начинается с дурных новостей о собственном здоровье, это наложит отпечаток на весь последующий день.

— Что вы мне рекомендуете, Морель?

— Я присоединяюсь к мнению профессора Вебера, который рекомендовал вам еще более беречь себя и по возможности не нервничать.

— Я вас понял, — сняв ватку с локтевого сустава, фюрер небрежно выбросил ее в урну. — Что вы мне предлагаете? Взять альпийские палки и пойти прогуляться в горы?

— Мой фюрер, я только призываю вас поберечь себя по возможности.

— Ладно, ступайте, — отмахнулся Гитлер. — Мне еще нужно поработать.

Доктор Морель собрал медицинские приборы, аккуратно уложил их в саквояж и неслышно вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Адольф Гитлер любил завтракать в одиночестве — самое подходящее время, чтобы собраться с мыслями и подготовиться к предстоящему дню. Кроме обычных двух совещаний, у него были запланированы еще три персональные встречи, одна

из которых — с генерал-фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном, командующим группой армий «Юг», назначенным на эту должность неделю назад. За прошедшее время он успел познакомиться с делами армии, составить свое мнение, которое следовало выслушать. Генерал-фельдмаршал не из тех людей, что способны вести праздные разговоры. Он до корней волос был солдатом.

Потомственный военный, Эрих фон Манштейн родился в семье Фрица Эриха фон Левински, отпрыска прусского офицера. Возможно, он так и остался бы Эрихом Левински, если бы не договор двух родных сестер фон Шперлинг, бывших замужем за фон Левински и фон Манштейном. Средняя сестра, будучи беременной, обещала отдать бездетной младшей сестре на воспитание своего десятого ребенка, и, когда она разродилась мальчиком, ее муж, генерал Левински, верный офицерскому слову, отправил своему свояку генералу фон Манштейну срочную депешу: «У вас мальчик. Мать и ребенок чувствуют себя хорошо. Поздравляю!» Радости бездетной пары не было предела.

Эрих был усыновлен генералом фон Манштейном, чьи предки до шестнадцатого колена по прямой линии были генералами и служили как прусскому королю, так и русским императорам.

В судьбе Манштейна все было необычно, от усыновления до получения чина генерал-фельд-

маршала. Первую мировую войну фон Манштейн начинал в Польше, где был тяжело ранен, но прошел ее до самого конца, получив два Железных креста и прусский Рыцарский крест с мечами.

Несговорчивый, дерзкий, самолюбивый, он нередко перечил Гитлеру, не опасаясь навлечь на свою голову неприятности. Но фюрер, имея терпение, всякий раз прощал фон Манштейну прусскую спесь потомственного барона, прекрасно понимая, что без такого стратега, каковым являлся Эрих фон Манштейн, не было бы столь блестящих побед ни в Польше, ни во Франции. В России его тоже ожидал успех: в немалой степени благодаря таланту фон Манштейна был разбит Крымский фронт русских и взят Севастополь, за что стратег получил чин генерал-фельдмаршала.

Эрих фон Манштейн был признанным лидером немецкого генералитета: он обладал даром предугадывать действия противника, к его словам следовало прислушиваться.

Поначалу рейхсканцлер хотел назначить Манштейну аудиенцию в перерыве между двумя совещаниями, но потом подумал, что такое решение будет неразумным. Первое совещание посвящено последствиям Сталинградского сражения и определению направления дальнейшего главного удара. Но для начала следовало удержать Харьков, имеющий важное стратегическое значение. Для

русских этот город был не менее важен: он давал ключ к освобождению всей Украины.

А еще весьма скверно складывались дела в Африке. Корпус Роммеля под натиском превосходящих сил американцев вынужден отступить из-за отсутствия резервов, которые срочным порядком должны были быть переброшены на Восточный фронт. Миссия героя славных боевых побед во Французской кампании была завершена. В руках немцев оставался лишь небольшой, но хорошо укрепленный район в Тунисе, который стойко оборонял генерал-полковник Маккензен.

Гитлер пригласил Эрвина Роммеля в Ставку «Оберзальцберг» и увидел, что тот пребывает в крайне мрачном состоянии. Генерал-фельдмаршала следовало убедить, что он по-прежнему нужен Великой Германии и фюреру; дать ему возможность вновь проявить себя с самой лучшей стороны; поручить возглавить подготовку к обороне во Франции на случай высадки на побережье англо-американских войск. А еще необходимо подбодрить его. Рейхсканцлер отдал приказ подготовить документы о награждении генерал-фельдмаршала Роммеля высшей наградой Третьего рейха — Дубовыми листьями с мечами и бриллиантами к Рыцарскому кресту.

На предстоящие разговоры потребуется немало физических и душевных сил. Аудиенция с